

ФИКТИВНЫЙ брак

“Да я любые деньги отдам, чтобы увидеть Сару Брайтман!” — возопила одна моя знакомая, узнав о концерте, который должен был состояться 20 ноября в Большом театре. (Хосе Каррераса она уже видела и слышала.) Ей действительно пришлось потратиться. Суммы денежных вливаний за единичное рандеву с легендой поражали самое пылкое воображение (например, в партере — до 50000 рублей), но московские меломаны и тусовщики ради искусства пошли на большие жертвы — зал был переполнен.

Сказочные тарифы объяснялись благотворительными целями концерта — весь сбор организатор гастролей, ювелирная фирма Chopard, намеревался передать в фонд реконструкции Большого театра. Поэтому девиз акции можно было бы обозначить как “Не скупись!”. Публика не поскупилась на билеты, организаторы не поскупились на звезд и оркестр (среди десятка московских был выбран самый дорогой — Российский национальный) и на угощения (шоколад, шампанское). В результате каждый получил то, что хотел.

На этом рассказ можно было бы и закончить. Поскольку прессе изначально было сказано, что делать ей на этой элитной вечеринке абсолютно нечего, то анализировать произошедшее даже как-то неудобно. Несмотря на извечный журналистский скепсис по поводу подобного рода мероприятий (коммерческую акцию, светский раут всегда почему-то выдают за художественное событие), можно смело сказать, что этот вечер стал лучшим из себе подобных. Лучшим и по атмосфере в зале, и по качеству организации, да и по содержанию. Испанский тенор оказался в несравненно более выигрышной форме, чем в свой позапрошлый приезд, когда он пел под микрофон в Государственном Кремлевском дворце. Извечные испанские баллады, похо-

жие одна на другую как две капли воды (сюда же вписались два романса Верди, ничем особо не изобличающие гений композитора), конечно, не самый удачный с репертуарной точки зрения выбор, но всем было ясно, что певец берег свой и так довольно хрупкий голос. Что касается Сары Брайтман, исполнявшей Бернштейна и Ллойда-Уэббера, то она оставила более чем странное ощущение. Ни голосом, ни сценической энергетикой она не напоминала себя в аудио- и видеозаписях: загадочную диву с манящим, неземным голосом и необыкновенным темпераментом. Сказочное по красоте пение обернулось досадными вокальными огрехами, загадочность — жеманным кокетством, в общем-то, уже не девочки. Два дуэта Брайтман и Каррераса (из “Веселой вдовы” Легара и “Призрака оперы” Эндрю Ллойда-Уэббера) положения не спасли: каждый из героев вечера продолжал блюсти свои интересы и на уступки рядом поющему не шел. Кроме того, Брайтман не стала петь би-сы, и бедный тенор, проявив себя джентльменом, отдувался за нерадивую партнершу. Публика тем не менее осталась довольна — такие браки, пусть не по любви к искусству, а по расчету, на наших просторах случаются редко.

Михаил
ФИХТЕНГОЛЬЦ

Культура. — 2001. —
29 нояб. — 5 дек. —
с. 10